Как мог Хэ Линь выдержать публичные упреки своего шурина? Он тотчас наклонился, поднял палку и, стиснув зубы, бросил:

— Это семейное дело Хэ! Ты не имеешь права вмешиваться! Я наказываю своего сына! И неважно, убью я его или нет!

Как бы уверенно ни прозвучали его слова, заметив свирепые взгляды Янь Ли и Гунсунь Яня из-за спины Тан Фана, он не смог даже руку с палкой поднять, чтобы замахнуться.

— Замолчи! Здесь не место открывать свой рот! — крикнул на него старик Хэ.

Не глядя на раскрасневшееся лицо своего сына, он пробрался сквозь толпу и обратился к Тан Фану:

— Племянник, у меня есть к тебе вопрос. Он не имеет дела к произошедшему сегодня. Давай отойдем в сторонку.

Хоть Тан Фан и был очень вежливым человеком, в сторонку он не отошел, как просили, лишь с улыбкой произнес:

— Если дяде есть что сказать, просто говорите. У благородных мужей нет секретов.

Сначала Янь Ли, а теперь еще и Тан Фан! Непрошибаемые личности! Господину Хэ ничего не оставалось, кроме как спросить:

— Племянник приехал навестить наш скромный дом. Этот старик очень рад, но теперь, узнав, что племянника сопровождает Императорская Стража, я вынужден задать тебе пару вопросов. Прошу понять.

— Я знаю, о чём хочет спросить дядя, — кивнул Тан Фан. — Эти два братца из Императорской Стражи беспокоились, что мне небезопасно путешествовать одному, так что отправились со мной. Они никак не связаны с делами Императорского Двора. Дяде не стоит опасаться того, что семья Хэ окажется втянута во что-то нехорошее.

Императорская Стража была щепетильной темой для разговоров. Так что для людей задавать вопросы о ней было вполне нормально. Кроме того, господин Хэ не менял своего отношения к Тан Фану даже после того, как узнал, что того отстранили от должности. Вне зависимости от того, почему он так делал: в память о дружбе с его покойным отцом или еще по какой причине, — Тан Фан не забыл этого.

Поэтому, хоть он и ненавидел теперь своего зятя всем сердцем из-за увиденного и услышанного — особенно после того, как тот ни с того ни с сего избил своего сына — Тан Фан сумел разграничить их в своём сердце и не стал бы грубить старику Хэ.

— Наш глава Двора крепко дружит с господином Таном, — произнес стоявший подле него Янь Ли. — Он послал нас двоих с ним, чтобы защищать господина и помогать ему. Господину Хэ не о чем волноваться.

После таких объяснений сомнений в сердце старика Хэ ничуть не убавилось, а стало лишь еще

больше.

В том, что Тан Фан дружил с Императорской Стражей, не было ничего странного. Но что это за дружба такая, что заставила Императорскую Стражу служить его телохранителями?

Кроме того, судя по вежливым и строгим выражениям лиц этих двоих, они были ничуть не против следовать словам Тан Фана.

Что в конце концов происходит? Неужели за несколько лет пребывания в столице Тан Фан обзавелся невероятным покровителем?

Остальные не копали так глубоко, как старик Хэ. Стоило услышать о статусах Янь Ли и Гунсунь Яня и увидеть, с каким уважением те относятся к Тан Фану, как, потрясенные, они тотчас повысили Тан Фана с «незадачливого чиновника» до «таинственной фигуры, за которой кто-то стоит».

Наличие покровителя все меняло. Даже если у Тан Фана теперь не было должности, пока кто-то из чиновников был готов поддержать его и помочь замолвить словечко во Дворе, он мог быть восстановлен в любое время.

Подумав так, даже разгневанный Хэ Линь был вынужден несколько разжать сжимавшую палку ладонь.

Однако Тан Фана не заботило, что они думают. Он наклонился, помог подняться сестре и племяннику, а затем осторожно ухватился за подбородок Хэ Чэна, осматривая его травмы.

— Цилан, тебе больно? — тихо спросил Тан Фан.

Хэ Чэн кивнул, затем покачал головой, стиснув зубы и не издав ни звука.

Он выглядел слабым и замкнутым, но был необычайно упрямым.

Прежде чем мать успела защитить его, он успел получить пару ударов палкой. Они не были тяжелыми, но Хэ Чэн был еще мал, а его кожа нежна, так что и вынослив он был не так, как взрослые.

Заметив, что он одной рукой держится за предплечье второй, Тан Фан осторожно закатал его рукав, чтобы проверить тяжесть повреждений.

На маленькой ручке Хэ Чэна красовался ярко-красный опухший след от удара. Когда Тан Фан прикоснулся к нему, тот не смог сдержать тихого вскрика.

Тан Юй была так расстроена, что разрыдалась.

Сдерживая гнев, Тан Фан посмотрел на Янь Ли.

Тот все понял и, шагнув вперед, осмотрел повреждение.

— Кости и мышцы целы, — заключил он. — Можно просто нанести мазь.

— Я же говорил, что бил не в полную силу... — не удержался и влез Хэ Линь, услышав это.

Прежде чем он успел закончить, два суровых взгляда взметнулись к нему, так что тот тотчас затих, проглотив остальную часть фразы.

Один из взглядов был Тан Фана.

Второй — старика Хэ.

Господин Хэ тихо кашлянул:

— Племянник, поскольку семья Вэй уже сообщила о произошедшем властям, может, оставим дело на усмотрение окружного магистрата?

Не знай старик Хэ, что за Тан Фаном стоит Императорская Стража, не стал бы церемониться с ним и не задал бы подобный вопрос, поскольку вне зависимости от того, имел Хэ Чэн отношение к делу или нет, он был членом семьи Хэ.

Согласно обычаям того времени все было так, как и сказал Хэ Линь. Отцы имели полное право избивать своих детей.

Если бы родная семья Тан Юй была достаточно могущественной — ее отец, например, служил бы первым министром или был главой одного из Шести Министерств — ей не пришлось бы перебиваться крохотными подачками семьи Хэ.

Но из-за того, что родная семья Тан Юй казалась абсолютно бессильной, семья Хэ на протяжении многих лет закрывала на происходящее глаза.

Но теперь, когда Тан Фан был здесь, ситуация в корне изменилась.

Поскольку старик Хэ знал, что у того тесные связи с Императорской Стражей, он старался вести себя почтительно по отношению к Тан Фану.

— Так будет лучше всего, дядя, — кивнул Тан Фан, однако затем, вежливо сложив руки, обратился к окружному магистрату Вэну: — Брат Вэн, это не мое дело и я не должен в него вмешиваться, но я прошу брата Вэна позволить мне принять участие и помочь, поскольку в произошедшее оказался втянут мой племянник. Как дядя, я не могу сидеть сложа руки и смотреть, как его несправедливо обвиняют.

— Конечно, — кивнул магистрат Вэн.

Покончив с любезностями, окружной магистрат Вэн начал допрос.

Люди того времени уже знали, что место преступления очень важно при убийстве. Без крайней необходимости тело для осмотра не отвозили в окружную префектуру, дабы не упустить из виду никаких улик с места происшествия.

Поэтому окружной магистрат Вэн велел служащим оградить задний двор, не позволяя никому входить или выходить, а также приказал строго охранять ворота дома Вэй. Кем бы ни был гость: мужчиной или женщиной, — никому не разрешалось покинуть дом.

Конечно же это вызвало бурю негодования среди гостей.

Место, где прежде играла барышня Вэй Чжу, располагалось в саду на заднем дворе. Не там, где праздновали женщины, и на значительном расстоянии от главной праздничной залы.

Сад этот был достаточно просторным. Здесь было много цветов и фруктовых деревьев. Дети, гостившие в доме Вэй, любили играть тут.

Барышню Вэй Чжу сопровождала служанка. Ее уже отыскали, и теперь она, рыдая, стояла на коленях.

Магистрат Вэн спросил ее, почему она не была подле своей маленькой хозяйки, когда произошла трагедия.

— Пятая барышня попросила эту служанку сходить на заднюю кухню и принести чего-нибудь съестного, — отвечала та. — Она сказала, что хочет золотых мармеладных пирожных, но на столе их не было. Поскольку пятая барышня частенько раньше играла тут, а также потому, что рядом были барышни Хэ и Чжэн, эта служанка ушла. Но не успели мармеладные пирожные приготовиться, как я услышала, что пятая барышня...

Барышнями Хэ и Чжэн были Хэ Юань, дочь Хэ Сюаня и госпожи Вэй, и Чжэн Цинцин, дочь ученого Чжэна, сдавшего провинциальный экзамен.

Кроме них тут также присутствовали маленькие господа из нескольких семей.

Все они слышали, что барышня Вэй Чжу сказала служанке, так что подтвердили ее слова.

Хэ Юань и Чжэн Цинцин снова вызвали на допрос.

Из-за произошедшего они были сильно напуганы и заикались, так что много сказать не смогли. Им не нравилась хорошенькая барышня Вэй Чжу, но это была лишь детская зависть. Ни одна из них не желала барышне Вэй Чжу смерти.

На самом деле, до прихода магистрата Вэна их уже допрашивали разок. То, что они рассказали сейчас, мало чем отличалось от того, что Янь Ли сообщил Тан Фану ранее.

Обе сказали, что слышали, как Хэ Чэн и барышня Вэй Чжу ссорятся.

Во время ссоры обе сидели за горкой из камней. Они не хотели выходить, потому что чувствовали себя неловко и не желали, чтобы барышня Вэй Чжу их видела. Хоть они и были девочками из знатных семей, кое-что в человеческих отношениях смыслили.

Так что они ушли в противоположную сторону от горки играть в другом месте, но затем вернулись за барышней Вэй Чжу.

Хэ Юань и Чжэн Цинцин не смогли отыскать барышню Вэй Чжу, поэтому решили, что та убежала. Однако мальчишки, что собирали для барышни Вэй Чжу цветы и ловили птиц, вернувшись, тоже нигде не сумели ее найти. Так что служанки семьи Вэй отправились на поиски.

Одна из них обнаружила жемчужные серьги барышни Вэй Чжу подле колодца и что-то заподозрила.

После из колодца выловили лишь мертвое тело.

Услышав все это, магистрат Вэн нахмурился:

— Упав в колодец, барышня Вэй Чжу должна была звать на помощь. Неужели никто этого не слышал?

Все сказали, что не слышали.

Пока магистрат Вэн задавал вопросы, Тан Фан подошел к колодцу и, наклонившись, осмотрел его.

И понял, что, скорее всего, никто не мог слышать криков барышни Вэй Чжу.

Потому что уровень воды в колодце был настолько низким, что снаружи виднелось лишь темное пятно, никакого отражения.

Кроме того, упав в воду, маленькая девочка могла лишь барахтаться, да и голос у нее был слабый. Если рядом никто не проходил, ее бы не услышали.

Он долго пристально изучал место происшествия, а затем подошел к барышне Вэй Чжу, снял белое покрывало с тела и взял ее руку, чтобы тщательно осмотреть.

Поскольку подле него была Императорская Стража, окружающие могли лишь наблюдать за его действиями, не смея возражать.

К этому моменту магистрат Вэн уже закончил допрос. Показания не расходились.

Никого не было рядом, когда барышня Вэй Чжу упала в воду.

Но перед тем, как упасть, она поссорилась с Хэ Чэном, в чем тот сам признался.

Вопрос был в том, случайно барышня Вэй Чжу упала в воду или кто-то толкнул ее?

И если ее толкнули, Хэ Чэн это был или нет?

— Куда ты пошел после того, как поссорился с барышней Вэй Чжу? — спросил магистрат Вэн Хэ Чэна.

Тот несколько успокоился после утешений матери, так что больше не выглядел таким испуганным.

— Я был в саду, — прошептал он.

— Что ты делал в саду?

Хэ Чэн опустил голову и ничего не ответил.

Видя, как его сын трусит, Хэ Линь очень разозлился, но после преподанного ему урока не смел лезть и смирился.

Однако отказ Хэ Чэна говорить даже магистрата Вэна заставил нахмуриться.

Любой, кто видел, как это ребенок заикается и отмалчивается, заподозрил бы неладное.

Лишь Тан Юй была убеждена, что ее сын не такой человек и продолжала уговаривать его ответить.

Тан Фан в это время поднялся после осмотра трупа и вытер руки влажной тряпицей, поданной Цянь Сан-эром.

Он подошел к Хэ Чэну и мягко спросил:

— Цилан, скажи своему дяде, куда ты пошел после ссоры?

Хэ Чэн по-прежнему ничего не ответил.

Тан Фан улыбнулся и успокаивающе погладил его по голове, кажется, совсем не обращая внимания на то, что тот молчит, а затем повернулся ко всем и произнес:

— Барышню Вэй Чжу действительно сбросили в колодец. Но убийца не Хэ Чэн.

— Молодой господин Тан! — не удержался от гневного крика Вэй Цэ. — Я знаю, что Хэ Чэн твой племянник и ты хочешь защитить его, но не тебе решать, убийца он или нет!

— Братец Тан, — вставил магистрат Вэн, — есть ли доказательства твоим словам?

— Конечно, доказательства имеются, — кивнул Тан Фан.

Он подошел к трупу и показал всем ногти барышни Вэй Чжу:

— На них нет мха. Если бы она споткнулась или ее столкнули, она бы отчаянно пыталась спастись перед смертью, цепляясь пальцами за все подряд. Однако ее ногти слишком чистые. Более того, шейная кость на затылке была сломана, а значит, ее сбросили после того, как, зажав рот и нос, сломали шею. Поэтому она не сопротивлялась и не кричала во время убийства. Когда ее сбросили, она уже была мертва.

Новость была настолько шокирующей, что присутствующие ахнули.

Многие подошли поближе, чтобы посмотреть повнимательнее, и конечно же обнаружили, что

ни на одном из десяти пальцев нет мха. Лишь кровь.

— В таком случае, — продолжил Тан Фан, видя, что все приняли его объяснения, — смерть барышни Вэй Чжу была преднамеренным убийством. И абсолютно неважно, ссорились они с Хэ Чэном или же он ненавидел ее до глубины души. Существенным доказательством его невиновности является то, что Хэ Чэн не особо выше барышни Вэй Чжу. Позвольте спросить, хватило бы ему сил заткнуть ей рот и нос, чтобы убедиться, что она не сможет издать ни звука, после чего сломать шею, оттащить и сбросить вниз?

Все посмотрели на Хэ Чэна, а затем на барышню Вэй Чжу. Это было абсолютно невозможно.

— Даже среднестатистической женщине не хватило бы сил на такое. Следовательно, убийцей барышни Вэй Чжу, скорее всего, был очень сильный мужчина, а не Хэ Чэн.

После его слов многие прозрели.

— Братец Тан заслуживает служить в Министерстве Наказаний, — признал магистрат Вэн. — За столь короткий промежуток времени столько понял и разложил по полочкам.

— Я был заинтересованной стороной, — улыбнулся Тан Фан. — Господин, прости, что вмешался. Не знаю, как тебя и благодарить.

Пристыженный, Вэй Цэ подошел, чтобы извиниться:

— Вэй только что наговорил лишнего. Пожалуйста, молодой господин Тан, прости меня!

— Ты оплакивал свою дочь, — махнул рукой Тан Фан. — Разве я могу винить тебя? Сначала необходимо выяснить, кто убийца.

— Молодой господин мудр, как Чжугэ, — горестно проговорил Вэй Цэ. — Прошу, просвети семью Вэй. Кто мог быть убийцей?

Тан Фан ничего не ответил, глядя на магистрата Вэна.

Магистрат Вэн знал, что тот делает это, чтобы он мог продемонстрировать свои способности в качестве окружного магистрата и чтобы не решил, что Тан Фан пытается перетянуть все внимание на себя. Благодарный ему, он произнес:

— Кровь под ногтями, — видя озадаченные лица окружающих, магистрат Вэн объяснил: — Кровь под ногтями указывает на то, что барышня Вэй Чжу, должно быть, отчаянно сопротивлялась перед смертью и вероятно поцарапала убийце руку. Мы должны начать с осмотра мужчин, ориентируясь на это.

Прорыв в деле произошел в одно мгновение. Хоть последние слова магистрата Вэна и помогли ему несколько сохранить лицо, любой, у кого были глаза, видел, что, если бы не настойчивость и вдумчивая работа Тан Фана, все, скорее всего, до сих пор бы думали, что Хэ Чэн виновен.

Изначально это дело не имело к Тан Фану никакого отношения. Если бы не желание снять подозрения с племянника, он бы не стал отбирать хлеб у магистрата Вэна. Теперь, когда ключ к разгадке был найден, он не стал больше вмешиваться, шепнул пару слов магистрату, а затем попрощался с ним.

Старик Хэ взглянул на брата и сестру Тан, а затем перевел взгляд на своего не оправдавшего надежд сына, вздохнул и, сделав шаг вперед, обратился к Тан Фану:

— Племянник, Ган Юй поступил неправильно. Он просто стремился защитить доброе имя семьи Хэ, поэтому и спорил с тобой. Прошу, не принимай его слова близко к сердцу.

«Ган Юй» было именем в быту Хэ Линя.

Ни один мускул не дрогнул на лице Тан Фана:

— Дядя, не стоит. Это дело не имеет к Вам никакого отношения, так зачем Вы извиняетесь за него? Этот скромный племянник не стоит этого. Более того, причина моего гнева вовсе не в том, что зять был груб со мной, а в том, что он, отец Цилана, не разбираясь обвинил его. Господин магистрат еще не вынес вердикта, а он уже принял решение. Если бы я не смог найти доказательств его невиновности, он что, забил бы Цилана до смерти на глазах у меня и моей сестры?

Старик чувствовал себя несколько неловко. Он полагал, что, признав вину, заставит Тан Фана пойти к нему на встречу, но никак не ожидал, что тот, вместо этого, так унизит его, так что рассердился.

Однако Тан Фан был прав. Другими словами, Хэ Линь был действительно виновен в собственной глупости.

Тан Фан взглянул на пристыженного и злого от смущения Хэ Линя, а затем перед всей семьей Хэ холодно произнес:

— Зять, Цилан — твой сын. Даже свирепые тигры не едят своих детенышей. Ты его отец и не знаешь, каков по природе твой ребенок? Я пробыл здесь всего несколько дней, но знаю, что, хоть Цилан и застенчив, мало говорит с незнакомцами, создавая образ мрачного и замкнутого человека, на самом деле, имеет невероятно доброе сердце. Моя сестра рассказывала, что он полдня проплакал после того, как его маленький домашний кролик умер. Как мог такой ребенок столкнуть барышню Вэй Чжу в колодець?!

Хэ Линь сжал кулаки, не проронив ни слова.

Тан Фан каждым словом, каждым предложением обвинял его в некомпетентности.

А глава семьи Хэ, господин Хэ, его отец, смотрел на это, сложив руки в рукава и не пытаясь остановить Тан Фана.

После того как шурин вылил на него целый чан критики, Хэ Линь чувствовал, будто его лицо содрали заживо — настолько это было болезненно.

К тому же за сценой этой наблюдали не только члены семьи Хэ, но и семья Вэй, чиновники и гости сегодняшнего праздника...

Произнеся эти слова, Тан Фан больше не обращал на него внимания. Он присел на корточки и обнял Хэ Чэна.

— Цилан, а теперь не мог бы ты рассказать своему дяде, куда ты пошел после ссоры с барышней Вэй Чжу?

Покраснение и припухлость на щеках Хэ Чэна, кажется, исчезли после того, как Янь Ли смазал их специальной мазью.

Он обвил обеими руками шею Тан Фана, с нежностью прижавшись к нему, немного помолчал, а затем все-таки прошептал:

— Я нашел браслет, что она потеряла, но не захотел возвращать, поэтому бросил его вон в тот пруд.

— Ты боялся, что родители станут ругать тебя, если узнают, поэтому и не сказал?

Хэ Чэн кивнул и робко посмотрел на Тан Юй.

Сердце Тан Юй разрывалось от любви и жалости. Разве она могла ругать его?

Она не стала целовать Хэ Чэна в щеку, боясь причинить боль, лишь крепко сжала его руку, поглаживая.

Заметив это, Тан Фан вновь обратился к старику Хэ:

— Дядя, Цилан ранен и нуждается в отдыхе. Мы с сестрой отведем его домой.

У старика Хэ не было причин возражать. Он быстро велел одному из слуг проводить их до дому и напутствовал Тан Юй и Хэ Чэна отдохнуть как следует.

— Лучше показать Цилана доктору, чтобы точно ничего не упустить, — произнесла матушка Хэ.

— Мама, — влез Хэ Сюань, — у нас на складе много лекарств. Спросите у доктора, помогут ли они Цилану. Если да, мы можем поделиться.

— Большое спасибо, — сдержанно ответил Тан Фан.

— Мы все одна семья, Жунцин, — тепло улынулась матушка Хэ. — Что ты как неродной.

Семья Хэ желала наладить отношения с Тан Фаном, чтобы между ними не осталось никаких разногласий. По большей части причиной тому была Императорская Стража, маячившая за его спиной. Тан Фан прекрасно понимал это, но не собирался отвергать их доброту.

Даже Хэ Сюань, который вообще не имел к Хэ Чэну никакого отношения, предложил свою

помощь, тогда как Хэ Линь, тот, кто должен был больше всех заботиться о своей жене и ребенке, продолжал просто стоять как истукан.

Старик Хэ не выдержал и сердито прикрикнул:

— А ты не собираешься с ними домой? Что ты тут забыл?!

Хэ Линь поднял на них взгляд, со злостью швырнул палку на землю, развернулся и, не оборачиваясь, ушел, протискиваясь сквозь толпу.

Старик Хэ вытаращил глаза и аж подавился от гнева. Если бы не присутствовавший здесь народ, он бы, скорее всего, проклял бы его, как непокорного сына.

Теперь репутация, которой семья Хэ так гордилась, была разрушена.

Наблюдавшая за этой сценой Тан Юй опустила голову, глядя на Хэ Чэна. О чем она думала, было неясно.

— Сестрица, — Тан Фан помог ей подняться. — Пойдем, вернемся домой.

Хэ пришли радостными и счастливыми, а ушли расстроенными и ужасно подавленными.

Поскольку барышня Вэй Чжу была младшей сестрой госпожи Вэй, Хэ Сюань остался в особняке Вэй, чтобы помочь ее отцу с похоронами.

Остальные члены семьи Хэ вернулись домой вместе с Тан Фаном.

Вместо того чтобы отвести сестру и племянника в их покои, Тан Фан привел их в засаженный бамбуком двор, где теперь жил.

Он попросил служанку отвести Хэ Чэна отдохнуть и велел остальным удалиться.

— Сестра, если бы не сегодняшний инцидент с Циланом, как долго ты собиралась скрывать от меня все это? Разногласия между тобой и твоим мужем начались не за день и не за два, разве нет?

После произошедшего вид у Тан Юй был ужасно измученный, но Тан Фан понимал, что не стоит давать сестре время на отдых и раздумья, чтобы она снова не нашла предлог пойти на попятную. Так что он решил действовать безжалостно и вскрыть все ее раны разом.

Больно будет в любом случае, но короткая боль лучше, чем продолжительная, поскольку рана заживает быстрее.

— Раньше он не был таким, — вздохнула Тан Юй. — Когда я только вошла в семью Хэ, он очень хорошо ко мне относился. Даже сказал, что хоть у мужчин из зажиточных семей и принято заводить наложниц, ему будет достаточно лишь меня одной. Сначала я думала, что он шутит, но, как видишь, несмотря на все наши ссоры, он до сих пор не взял себе наложницу. Я навсегда сохранила его любовь в своем сердце, так что даже потом, после того как он резко изменился,

я оставалась верна ему без колебаний. К тому же не хотела тебя беспокоить. Кто бы мог подумать, что сегодня он Цилана...

Стоило Тан Юй подумать о травмах Хэ Чэна, как ее сердце сжалось так сильно, что она не смогла произнести ни слова.

Ее муж больше не заботился о ней, младший брат был далеко, так что сын стал ее единственной надеждой.

«Закон Великой Мин» гласил, что любой мужчина, достигший сорока лет и не имеющий наследников, должен был взять наложницу.

Но это значило не то, что наложниц можно было взять лишь после сорока и не имея сыновей, а то, что мужчинам после сорока без наследников нужно было взять наложницу, чтобы продолжить род.

Конечно, многие младше сорока, чьи жены родили им сыновей, брали наложниц. А также были и те, кто не смотря на закон оставались верны своим женам и усыновляли детей других членов семьи.

Так что наличие наложниц зависело не от закона, а от сердца человека.

Многие мужчины из состоятельных семей считали, что не воспользоваться такой возможностью — глупо. Если они могли владеть целым лесом, зачем им стоять только у одного дерева? Так, например, восьмая барышня семьи Хэ, которая приглянулась Янь Ли, была дочерью наложницы, рожденной, когда старик Хэ был уже в преклонном возрасте.

Так что то, что Хэ Линь дал обещание не брать наложниц и так настойчиво сдерживал его, было действительно удивительно.

Услышав слова Тан Юй, Тан Фан несколько смягчился в лице:

— Тогда, выходит, мой зять не совсем уж безнадежен. Просто многолетние неудачи и провалы расстраивали его, заставляли чувствовать себя бесполезным и в конце концов сделали из него безумца.

Мужчина ценит свое лицо и репутацию больше всего на свете.

Тан Фан перед всеми унизил Хэ Линя, сказав, что тот неудачник лишь потому, что видел, как тот избивает Хэ Чэна. Эти слова были равносильны окончательному разрыву отношений с зятем. Теперь Хэ Линь был зол на Тан Фана, так что обязательно выместил бы свой гнев на жене и ребенке.

Видя, как Тан Юй подавлена, Тан Фан предложил:

— Мне найти зятя и извиниться перед ним?

— За что тебе извиняться? — покачала головой Тан Юй. — Ты сказал все то, что я не могла. Я должна поблагодарить тебя за то, что излил весь гнев за меня! — она помолчала. Ее лицо было очень печальным. — Не говори ему ничего хорошего. Цилан — вся моя жизнь, а он так жестоко обошелся с ним ради своего лица и репутации семьи Хэ. Позабыв о нашей любви, как мужа и жены, он забил бы его до смерти.

Видя, что та наконец очнулась и больше не собирается терпеть, Тан Фан несколько успокоился:

— Тогда что ты планируешь, сестра? — он взял ее за руку. — Я хочу забрать вас с Циланом в столицу на время. Но решать не мне, а тебе. В любом случае, пока ты рядом с младшим братцем, тебе не придется волноваться — твоя родная семья всегда поддержит тебя.

Не сдержавшись, Тан Юй обняла Тан Фана и заплакала.

— Я не говорил тебе прежде, — с улыбкой продолжил Тан Фан, похлопав ее по спине, — но, хоть у меня больше и нет должности, в столице остались друзья. Сегодня ты узнала о том, кто такой Янь Ли. Глава Двора Императорской Стражи — мой хороший друг. Если Хэ Линь или кто-то из Хэ посмеет навредить тебе, они всю их семью с ног на голову перевернут. Так что не волнуйся. Больше тебе не придется грустить из-за сплетен. Кто посмеет сказать, что у тебя нет поддержки со стороны родной семьи, если вся Императорская Стража — твоя семья? Есть в Великой Мин кто-то более могущественный, чем ты?

Тан Юй знала, что тот успокаивает ее, так что смеялась над его шутками, улыбаясь сквозь слезы.

— Дорогой Пушистик, твоя сестра знает, что ты любишь меня и Цилана, но даже если я захочу, я не могу просто так уйти. Скажи мне, смогу ли я развестись с твоим зятем и забрать Цилана с собой?

Видя, как сестра выжидающе смотрит на него, Тан Фан очень хотел ответить: «Да», — но смог произнести лишь:

— Я могу устроить твой развод по обоюдному согласию или по принуждению, однако забрать Цилана, боюсь, будет очень трудно. Поскольку, несмотря ни на что, Цилан — член семьи Хэ, так что даже если зять и согласится, господин Хэ и остальные будут против. Поэтому поступать так неразумно.

Тан Юй была несколько разочарована, однако она знала, что ее брат хорошо знает закон и не стал бы обманывать ее.

— Что же тогда делать? — спросила Тан Юй.

— Ты согласишься не разводиться, а просто уехать под предлогом возвращения в дом родной семьи?

Тан Юй кивнула, не раздумывая. Она столько лет молча сносила все ради Цилана. Теперь, когда ее брат был здесь, у нее появилась опора, так что она больше не собиралась терпеть.

Получив согласие сестры, Тан Фан очень обрадовался:

— Тогда я что-нибудь придумаю. Сестрица, жди хороших новостей.

Во время их разговора, в ворота постучал Цянь Сан-эр:

— Господин, посыльный от магистрата Вэна.

— Впусти, — ответил Тан Фан.

Тан Юй вытерла слезы и спряталась во внутренних комнатах, тогда как Цянь Сан-эр ввел внутрь человека.

Им оказался помощник магистрата Вэна по фамилии Хуан. Тан Фан видел его впервые.

Лао Хуан вежливо поклонился и произнес:

— Молодой господин Тан, наш господин приглашает Вас в дом Вэй.

— Разве я не только что оттуда? — опешил Тан Фан.

— Верно, — Лао Хуан скорбно нахмурил брови, — но только что еще кое-кто умер.

Послесловие автора:

Тан Фан: Сестрица, давай поговорим. Не зови меня этим прозвищем при посторонних, ладно?

Суй Джоу: Я не посторонний.

Хэ Чэн: Я тоже, дядя Пушистик.

Ван Джи: Хе-хе. Я не буду называть тебя так. Разве «Дубина» не лучше «Пушистика» звучит?

Тан Фан: ...

Человек многогранен. С одной стороны он подонок, а с другой, у него и достоинства имеются. Но это не значит, что поступок зятя простителен.

Автор Мяу тоже считает, что мужчины, которые вымещают свою злость на женах и детях, самые бесполезные. Однако в Китае из-за тысячелетнего патриархата мужчины превозносят себя до небес. И такого рода вещи до сих пор реальность...

Как только это дело возникло, у меня такое чувство, будто это нынешние события в тайминге династии Мин. Ха-ха-ха, или у меня галлюцинации? → _ →

Примечания переводчика:

Тоже мне заслуга, наложницу не завел! На какие шиши бы он ее завел? Жену с ребенком прокормить не может!

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2049726>